

Наши перспективы и кризис буржуазной цивилизации

Борис Кагарлицкий

Послушав предыдущие выступления, я решил откорректировать свое выступление по той схеме, которой придерживались предыдущие ораторы. Говорить буду достаточно критически. Дело не в том, что я в основном не согласен с предыдущими ораторами. В чем-то согласен. Проблема тут в принципе подхода. То есть насколько комплексным является наш взгляд на тот процесс, которым мы сейчас занимаемся.

Начнем с тезиса о глобализации. Это действительно один из наиболее размытых терминов, есть целый ряд понятий и трактовок. Но если под глобализацией понимать все-таки интернационализацию экономической жизни, причем, что очень важно, связанную с разделением труда между странами, ибо не всякая торговля связана с разделением труда, то этот процесс становится достаточно понятным.

У Валлерстайна есть четкий критерий по этому поводу. Он говорит, что обмен излишками не приводит к интернационализации. А вот когда через торговлю мы имеем дело именно с разделением труда между странами, то действительно тут речь идет об процессе, связанном с глобализацией.

В этом смысле мы решаем еще одну проблему – о производстве и обмене. В марксистской традиции сферу торговли и обмена предпо-

лагается не то, чтобы игнорировать, но как бы отодвигать на второй план. Но торговля это не только обмен товарами, существует торговля, которая определяется разделением труда между странами, а значит и формирует производство. И это уже не фактор поверхностный, то есть фактор чистого обмена, а фактор уже развития производства.

И если взять глобализацию с этой точки зрения, то мы увидим, что вся история капитализма есть история таких вот маятниковых движений, я согласен тут с Максимом, который говорил о маятнике глобализации и регионализации, но только маятник этот начинает качаться гораздо раньше. Я не берусь говорить о докапиталистическом периоде, хотя Василий Калташов заметил некоторые признаки подобных колебаний даже и для докапиталистического периода, но это спорный тезис, с которым надо еще разобраться, пусть Василий попробует его еще доказать, а что касается капитализма, то этот маятник более менее четко прослеживается. Он первые признаки подает с первыми признаками появления капиталистических отношений, это примерно XIII–XIV век в Европе. Первый глобальный в кавычках экономический кризис, то есть первый большой межнациональный экономический кризис, это кризис

XIV века. Очень тяжелый экономический кризис.

Кстати говоря, когда начинаешь сравнивать параметры этих больших кризисов, и выясняется, до чего же они похожи между собой. Кстати, Павел, когда Вы говорили о том, что не надо смотреть на историю, чтобы прогнозировать будущее, то я с этим категорически не согласен. Ибо прогнозировать будущее мы будем по какому материалу?

Павел Лукша: Но не все мы можем понять...

Борис Кагарлицкий: Но наличного материала, какой уже есть, мы все равно не имеем. Что в нашем сознании имеется объективно? То, что уже было... Так что нам так или иначе приходится обращаться к прошлому и вопрос тут в том, признаем ли мы это и как глубоко на это смотрим.

И вот если брать формирование капитализма более-менее системно, это XVI век, соответственно первая фаза глобализации, это фаза шестнадцатого века, ну с колумбовских открытий (Колумб, Васко да Гама и так далее), мощнейший рывок глобализации, который, на мой взгляд, превосходит все то, что мы пережили за последнее время в разы.

Представьте себе такую биографию: человек родился в 1430 году, а умер в 1520 году. Долго жил, но и в те времена бывало, везло некоторым. И, Боже ты мой, как все изменилось! За это время мир стал больше. Планета увеличилась в понимании людей. Америку открыли, книгопечатание изобрели, католическая церковь рухнула, Константинополь пал, вообще миросистема изменилась. Масштаб изменений в течение одной жизни совершенно не укладывающийся в сознании.

Этот цикл завершается Тридцатилетней войной. Это, Максим, к во-

просу о неприятных этапах. И, кстати говоря, Кондратьев тут работает, он говорит, что на переломных циклах – войны, революции, потрясения. Но я не о Кондратьевских циклах говорю, это скорее аналогия. На мой взгляд, циклы даже больше, чем кондратьевские. Так или иначе мы видим эти колебания.

Проблема у меня та, что я не готов укладывать эти циклы в жесткие хронологические рамки, то есть нельзя говорить, что этот цикл занимает сколько-то лет. Я считаю, что это происходит не через сколько то лет, а тогда, когда накапливается критическая масса этих состояний, противоречий, проблем и тогда происходит перелом. Хронологически прогнозировать все эти вещи, не учитывая всех обстоятельств, очень рискованно. Можно вывести среднестатистические цифры, эти среднестатистические цифры могут подтверждаться, но все равно не делать прогноз корректным. Вот в чем парадокс, даже если цифры совпали. Это немножко шаманство у нас какое-то начинается, если мы вот взяли какую-то цифру и не можем ее точно обосновать, и цифры совпали, но для меня это все спорно, этого быть не может.

Теперь следующий тезис: советская модель как альтернатива. Была ли советская модель альтернативной по отношению к западной? Безусловно, была. Но очень важно понимать, что она была альтернативной в рамках определенного тренда, который был общечеловеческим, глобальным. Если взять тренд тридцатых-сороковых годов, то какой это тренд? Социальное государство, государство регулируемое, рост доли государственной собственности, повышение роли левых рабочих профсоюзов в движении, иными словами, можно сказать, что Советский

Союз, конечно, альтернатива Западу, но в общем он в этот тренд тоже вписывается.

И более того, он его толкает. Не то, чтобы Советский Союз сам по себе, а Запад сам по себе. И запад влиял на СССР, что мы, кстати говоря, видели, но и советский Союз влиял на Запад, о чем мы сейчас почему-то не говорим. Мы говорим о том, как они на нас влияли, как разложили, как стали для нас в чем-то образцом, но при этом забываем, что и Советский Союз был для западного социального государства в чем-то образцом. Это видно и по системе образования, здравоохранения, по некоторым социальным моделям, даже по жилищному строительству. Когда вы попадаете в скандинавские страны, то обнаруживаете, что это очень похоже на советское жилищное строительство, только лучше, более качественно сделано. Но модели советских микрорайонов примерно те же самые, и созданы даже с некоторым запозданием по сравнению с советским муниципальным планированием. Мы начали первыми, потом скандинавы переняли часть этого опыта, а потом мы просто у них учились там, где хотели учиться. А где не учились, там соответственно отстали. Но это к вопросу о взаимном влиянии.

Но парадокс в том, что постсоветский капитализм тоже, на мой взгляд, вписан в определенный тренд. Только он уже не является альтернативным, наоборот, на мой взгляд, он является крайней формой проявления вот этого доминирующего неолиберального тренда. Поэтому то, что советский посткапитализм развивался с акцентом на рентное предпринимательство, было достаточно закономерным, наверное, для всего этого направления еще по одной причине.

Если сравнивать периоды глобализации и регионализации, то это не просто случайные колебания маятника. Под ними стоят еще различия социальных сил, групп, интересов которых доминируют. И если взять работы Михаила Покровского, то там проводится такая интересная мысль, которую можно развивать, и я в своей книге ее пытаюсь развивать, что разные типы капитала, разные группы внутри капитала доминируют в разные периоды. То есть периоды безусловно неолиберальные, инновационные периоды, это периоды безусловного господства торгово-финансового капитала. Периоды регионализации – это периоды господства так называемого промышленного производства и производительного капитала.

Парадокс в том, что специфические успехи, например, Китая, состояли в том, что он сумел использовать неолиберальную модель для стимулирования и развития именно производственной экономики. В то время как в остальных странах она разрушалась, в Китае она, наоборот, развивалась. Опять же обращаю внимание на книжку Джованни Аригги «Адам Смит в Пекине». К самой этой книжке у меня отношение очень двойственное и, скорее всего, негативное, но этот момент, на мой взгляд, Аригги очень хорошо показал, именно – как китайское руководство могло строить Китай, сделав предложение именно этой мировой конъюнктуре. Это заключалось в том, что когда все переместили все на финансовые рельсы, кто-то же должен был где-то что-то производить. Но должен производить по минимальным ценам, это принципиальное условие. Опять же обращаю внимание на статьи Джеффри Соммерса, американского экономиста, который сформулировал задачу для неолиберализма

как выход из кризиса социального государства. Это был кризис экономики дорогой рабочей силы, и выгода кризиса состояла в том, чтобы решить одновременно две проблемы, которые казались неразрешимыми в рамках другой модели, а именно: одновременно мы должны были снижать стоимость рабочей силы, конечно, прежде всего в богатых западных странах и глобально, и развивать потребление, развивать производство.

Если снижать стоимость рабочей силы, то будет снижаться и потребление, а как вы будете тогда развивать производство? Эта проблема решается в виде гонки на спуск, когда вы переносите производство в страны с дешевой рабочей силой. За счет этого происходит удешевление товаров, но стимулируется все-таки рост экономики в глобальном масштабе. И это происходит там и до тех пор, пока гонки на спуск могут быть продолжены.

И вот тут, Максим, проблема принципиальная с моделью, которую я только что давал. То, что вы говорили про Советский Союз – люди кончились. Так вот одна из проблем глобального современного кризиса как раз в том, что люди кончились или кончаются. Во всяком случае, это то, что я, например, конкретно слышал, когда был в Пекине. Китайские функционеры и экономисты жаловались, что в Китае рабочая сила слишком дорогая. Опять та же программа и в Индии, где ресурсы рабочей силы, как ни парадоксально, ограничены. Потому что рабочая сила – это не просто люди, которые обладают двумя руками, двумя ногами и головой. Они должны еще обладать определенными трудовыми навыками, определенной способностью к той или иной фабричной дисциплине, к тому или иному уровню и

так далее. И эта проблема, которая и стоит.

Теперь о кризисе. Да, кризис, с одной стороны, сопровождается недоверием к существующей иерархии, в том числе недоверием к роли США, но одновременно капитал побежал странным образом в Америку же. На мой взгляд, тут нет никакого парадокса, это никакой не психологический момент, тут гораздо более сложное структурное явление, связанное с механизмом накопления капитала. То есть до тех пор, пока центр накопления капитала находится на Западе и прежде всего в Соединенных Штатах, альтернативы – то структурной и нет. Даже если вы и видите, что Америка является источником проблемы, все равно во время кризиса объективно происходит сосредоточение капитала именно в наиболее мощных центрах накопления, хотя они же и являются источником проблем.

При этом, когда нам говорят о том, что Индия и Китай недовольны тем, что происходит, и они хотели бы пересмотреть существующую систему, это спорный тезис. Почему? Индия и Китай хотели пересмотра своих ролей в системе, это не значит, что они хотели пересмотра всей системы. Это разные множество вещей. Наоборот, подъем Индии и Китая произошел в рамках этой модели и радикальный слом этой модели может привести к достаточно тяжелым последствиям именно для экономического и политического развития именно этих стран в рамках той модели, которая была им выгодна. Поэтому они и сталкиваются с проблемами: они хотят некоторого пересмотра правил, но боятся радикального пересмотра правил. А нерадикальный пересмотр правил вообще может не дать никаких результатов.

Ибо он наталкивается на сопротивление. Поэтому мы попали в некоторый тупик.

Этот тупик, на мой взгляд, связан не с англо-саксонской моделью как таковой, а с неолиберализмом как наиболее универсальным принципом экономического развития, то есть с этой фазой финансово-торгового капитализма, господства финансово-торгового капитала. И тут надо говорить именно о социальной природе данной политики и о классовой ее природе, а не только о национальных особенностях. Понятно, что когда я говорю о классовой структуре, то классовая структура сейчас не такая, как во времена Маркса, это понятно. Но, тем не менее, она есть. Ну, может она описывается в несколько других категориях, принципиально ничего не меняющих. Поэтому вот великие ожидания, связанные с Азией, мне кажутся несколько преувеличенными.

Это не значит, что не произошло сдвига, сдвиг, безусловно, произошел. Сдвиг произошел качественный, потому что азиатские общества стали другими, внутренне стали другими. Но именно потому, что они стали другими, в них появилось множество новых внутренних противоречий. И то, что, скажем, китайское руководство не только не допустило демократизацию и либерализацию экономики, но, наоборот, в последнее время стало зажимать ситуацию, закручивать гайки, это связано с тем, что объективно напор противоречий в китайском обществе реально увеличивается. И в данной ситуации единственный ответ, который дают существующие правящие круги – это закручивание гаек. Но беда в том, что гайки можно определенным образом сорвать, и одной из перспектив для Азии является не этот вот

высказываемый сейчас грандиозный успешный рост и перемещение туда центров накопления капитала, но наоборот, очень сильная структурно-социальная нестабильность, нестабильность катаклизмов или тот уровень административного зажима, который допускается при других обстоятельствах. И если им удастся избежать дестабилизации, то придется чем-то пожертвовать.

Теперь тезис о возможности выхода из системы, которую можно называть глобализацией. Эта потребность, достаточно проявившаяся, прямо связана с той фазой регионализации, которая на самом деле начинает проступать через контуры современной реальности. Но ключевая проблема тут – накопление капитала. Глобализация и рационализация есть включение, прежде всего, в единую централизованную систему накопления капитала. А это определяет иерархию центра и периферии, потому что мы не можем иметь слишком много центров накопления капитала, тогда накопление будет неэффективным. Количество центров должно быть ограничено. То есть это не может быть только один центр, тогда не будет конкуренции капитала, и это не может быть слишком много центров, ибо тогда будет распыление капитала. Поэтому есть ограниченное количество центров. Да, идет борьба за то, кто этими центрами является, но концепция «деллинкинг» предполагает, что никто отключает свой национальный процесс накопления от мирового, сосредотачивая все ресурсы внутри своей страны. Собственно так объясняется успех сталинской индустриализации. Через «деллинкинг» прошло накопление, ориентированное вовне. В противном случае в рыночной модели происходила постоянная эрозия капи-

талов и финансовых ресурсов из страны. Это четко можно видеть по первой индустриализации России, которая проходила в 1890–е годы, когда страна довольно четко теряла финансовые ресурсы, которые сама же, собственно, и производила. Это видно по реформе Витте, хотя Витте сознательно с этим боролся, причем не всегда безуспешно. Он достигал определенных успехов, но преодолеть тенденцию он не мог. А большевики преодолели ее очень простым способом, они просто перекрыли каналы и все.

Дело в том, что процесс «делинкинга» (я не просто так упомянул товарища Сталина) – это очень болезненный процесс. Это процесс, который сопровождается достаточно мощными катаклизмами, любая структурированная радикальность является достаточно болезненной. Она болезненна не только для тех, против кого она направлена. Этот процесс может быть достаточно болезненным и драматичным для той страны, которая его осуществляет. На выходе – да, может получиться ускорение развития, но в процессе – там куча всяких неприятностей. Поэтому если мы видим эту тенденцию как прорисовывающуюся, то с точки зрения социологии и политологии это предсказание, если не некоторых бурь, то дисбалансов.

Теперь об Интернете, социальном движении, сетевых структурах и так далее. Во–первых, на мой взгляд, развитие коммуникативных структур не приводит к ликвидации национального государства и его структур. Вообще, строго говоря, национальное государство является продуктом и в значительной мере важным фактором развития коммуникаций. Европа 13–14 века была гораздо глобализованнее Европы 17 века. Почему? Я имею в

виду, для кого как. Крестьянин сидит у себя, и он не знает, что в соседней деревне. Если взять людей, как раз включенных в сети коммуникаций, то они как раз очень глобализированы. Понимаете, когда гуманисты Европы индивидуально знают друг друга, где бы они не находились, и находятся в постоянно перепишке... То, что письма ходили долго в отличие от нынешнего времени, то это всего лишь разница в темпах коммуникации, не более того. Структурной – то разницы тут нет.

Удивительная вещь, что прогресс в книгопечатании, образовании, строительстве дорог, между прочим, интенсивное дорожное строительство сухопутных путей началось в XVII веке в Европе, развитие морских коммуникаций должно было бы еще больше приводить к размыванию государственных структур. Ничего подобного, это все происходит на фоне создания национального государства. То есть в этот самый период. Я не говорю, что он ведет к образованию национальных государств, я говорю, что он не ведет автоматически к размыванию национальных государств. На мой взгляд, тут гораздо более комплексный процесс, я не говорю, что вот именно строительство дорог привело к образованию национальных государств. Я говорю про то, что процесс этот прекрасно здесь совпадал. И кстати, если тут говорить о будущем Интернета, какие тут есть опасности в плане распада структур Интернета, о чем постоянно говорят песимисты, надеюсь, что это неправда. Ну, например, прогресс технологий приведет к тому, что появятся доменные имена не на английском языке. Это один из возможных вариантов. Вот вам, пожалуйста, то же самое, как Европа от ла–

тыни как единого языка перешла к национальным языкам. Произошла фрагментация единой сети интернациональных знаний в зоны национальных знаний и консолидация национальных зон знаний. Соответственно разных моделей науки и культуры, так что не исключено, что нечто подобное может случиться и в Интернете. Конечно, не утверждаю этого. Просто когда начинаю экстраполировать разные тенденции, то думаю, что они будут находиться в достаточно сложном взаимодействии. Соответственно, на мой взгляд, возникает потенциал для формирования сетевых узлов локализации. То есть внутри сетевой глобальной структуры начинают возникать узлы или очаги, которые могут становиться центрами притяжения и тем самым взрывать сеть, ну если не взрывать, то деструктурировать ее. И они будут работать не совсем так, как представляется в виде единого сетевого поля.

Поэтому, с другой стороны, я вообще бы к сети относился более критично. Потому что сетевая идеология была вброшена, особенно у нас в стране, где обожают разного рода красивые иностранные утопии, причем именно иностранные, свои там – черт с ними. Она на самом деле проблематична. То есть с сетью столько же проблем, как и с любой другой организацией. Вот есть проблема с иерархией, а есть проблема с сетью. И там есть проблемы, и там есть проблемы, они просто немножко разные. И если говорить о сетевых социальных движениях, то как участник этих движений и процессов могу сказать, что там проблем выше крыши.

Во-первых, проблема теневых манипуляций. Проблема формирования реальных узлов принятия решений, которые не видны зачастую

из сети. То есть не очень понятно, кто реально принимает решения, и кто реально банкует. На самом деле есть игроки с неравными силами и с неравной степенью воздействия на ситуацию. Кроме того, есть удивительная вещь, что знания и информация в сети распределены неравномерно, и эта неравномерность увеличивается. То есть внутри сети формируется некая горизонтальная иерархия. Это парадокс, противоречие в определении, но, тем не менее, возникает неравномерность. То есть то, что мы видим в европейском и всемирном Социальном форуме. В них, особенно в европейском Социальном форуме, который начинался как более демократичный, чем всемирный, именно с целью преодолеть некоторую закрытость в ЕЭС и СЭВ, а сейчас пришел к той же самой ситуации только несколько другим путем, возникли центры принятия решений и возникли несколько альтернативных центров, пытающихся оспорить принимаемые решения и осаждающих вот эти центры. Но, тем не менее, мы видим уже некоторые проблемы и это очень далеко от сетевой утопии.

И кроме того есть еще одна проблема гораздо более серьезная для сетевых социальных движений. Речь о социальных протестах. Павел очень позитивно о них говорил, что люди их видят, о них говорят, что протесты имели успех, что они произошли... Но, во-первых, надо учитывать, что другая сторона тоже готовится. То есть вы повторяете, выясняется, что повторение не работает. Потому что информация обладает другой стороной.

Во-вторых, а как быть с неуспехом? То есть информация о неудачах, провалах, поражениях и прочем повторяется в сети точно та-

ким же образом. Распространяется ничуть не с меньшим успехом, что и информация об успехах.

Но самое главное это то, что сетевые протесты успешны лишь до тех пор, пока они не начинают ставить вопрос о власти. Как только вы упираетесь в структуру реальной власти – не в решенные конкретные разового вопроса, а в структуру реальной власти над людьми, которая позволяет воспроизводиться, которая воспроизводит себя и воспроизводит социальные отношения, то есть политическую иерархию, и вот тут-то и обнаруживается, что почти все протесты оказываются неуспешными. Вот до этого момента все было успешным, успешным, успешным, но только вот упирается в эту стену, как вдруг вы обнаруживаете, что вы неуспешны и, как правило, в этой ситуации сетевые движения начинают искать путь, перестраиваться на основе некоторой иерархии. Отсюда, например, я для себя сделал вывод, наблюдая компании неповиновения, что для сопротивления, для обороны, для саботажа решений власти сеть почти идеальна, но это механизм, который для выступлений не годится. То есть нам нужно сосредоточить силы, сила сосредоточена в одном направлении, это как на войне – вы не можете рассредоточить силы по всему фронту. Если это не партизанская война, когда вы можете атаковать по всему фронту. Если вы хотите фронт прорвать и вообще изменить стратегическую ситуацию, то вы должны сосредотачивать силы. Должна быть какая-то центральная воля, не обязательно одна, но какая-то.

То есть стратегическую инициативу сеть не завоевывает. Вот в чем проблема. Она может чужую

инициативу парализовать, но свою сконцентрировать не может.

Вот и отсюда – еще несколько проблем. Можно говорить в этих категориях о социальных сетях бизнеса. Можно, это происходит, но надо понимать, что частный бизнес – это не только производство товаров и услуг, но и еще механизм накопления капитала. И в этом плане, как говорил Павел, доступность альтернатив не решает проблемы накопления капитала, и доступность эта соответствует капиталу. Если у вас больше капитала, то больше и возможности осваивать эти альтернативы. В частности, мы обычно говорим, что в сети маленький какой-нибудь сайт может конкурировать с большим издательством. На раннем этапе Интернета так и было. Сейчас ситуация другая. Сейчас большие издательства, большие газеты начинают отвоевывать себе в Интернете больше влияния, то есть переигрывают маленьких.

В заключении хотелось бы сказать по поводу того, что говорил Максим. Важно понять, если мы имеем дело с маятником, на какой фазе маятника мы находимся, и по этому планировать собственные действия. Я не готов делать однозначные прогнозы, но, на мой взгляд, все-таки сейчас у нас на глазах происходит перелом не-олиберальной фазы глобализации к фазе регионализации. Другой вопрос, что он еще не произошел, с этим я согласен абсолютно. Прежде чем дойти до точки перелома процесс будет в таком переломном состоянии. И я глубоко уверен, что мы приходим к исчезанию экономики дешевого труда. И мы должны рано или поздно прийти к экономике дорогого труда, но для этого и сам труд должен быть другой. И тут проблема в том, что, с одной

стороны, нам надо перейти к новой фазе, но, с другой стороны, нет еще ни социальных, ни политических, ни даже технологических решений. Ведь технологические решения важны как раз в плане промышленности, то есть куда девать всех этих роботов. Мы наблюдали под ударом азиатских тигров просто какую-то примитивизацию технологий, потому что двадцать китайцев во много раз дешевле одного робота. И они просто не оставляют роботу никаких шансов.

Поэтому мы сейчас видим этот вот вызов. И вызов состоит в том, что, на мой взгляд, тупо создавать новую промышленность на старых технологиях, для России это было бы катастрофично. Это было бы безумием.

Но возникает вопрос о том, что есть еще потенциально возможный – не факт, что он реализуемый, – но потенциально возможный сценарий, который с большой натяжкой можно назвать инновационной индустриализацией.

Я слово «инновация» очень не люблю, это вообще очень опасное слово, если не знать, что за ним стоит. Но скажем реиндустриализация на основе создания не только новых технологий, но и постановке новых задач, включая экологические, социальные и так далее задачи, и возможно, создание новых отраслей. Опять же – ориентированных на решение новых задач.

Индустриализация, которую нам пытаются сейчас предложить, – либо повтор старой советской индустриализации, что абсолютно бессмысленно, либо повторение того, что делают на Западе, я имею в виду «Сколково». Вот у них есть нанотехнологии, давайте и мы будем делать свои нанотехнологии. Бесполезно. Именно потому, что они уже успешно делают свои

нанотехнологии, нам совершенно не нужно и невозможно комментировать. Но вот найти те технологические направления, по которым Запад почему-либо отстает или почему-либо просто не может их развивать (по социальным, культурным и прочим причинам), просто потому, что они не нужны Западу, но может быть нужны странам периферии. Ну, простейший пример – альтернативная транспортная система на основе того же дирижабля, для Европы она неинтересна, но в Индии и в Китае вполне может быть применена. Здесь для России тоже есть некоторые перспективы.

На мой взгляд, позитивный для России сценарий состоял бы в комплексном подходе, который включал бы элементы модернизации уже имеющихся отраслей и наработки, как о том уже говорил Максим, но который бы не сводился к узкой задаче, который бы исполнял любые достижения, включая технологические инновации, технологические ресурсы, финансовые ресурсы для освоения других направлений. Как то реиндустриализация на основе нанотехнологий, создание новой инфраструктуры. И есть вещи, которые достаточно бросаются в глаза. Ну, например, кто нам мешает повысить энергоёмкость до средневропейского уровня? Кто нам мешает поднять нашу инфраструктуру до приемлемого уровня? Никто не мешает, не хватает денег, согласен. Но я говорю в принципе, это другой вопрос.

Кто нам мешает пойти по коммунистическому пути, как в некоторых американских городах — обеспечить бесплатный Wi-Fi доступ на территории города или всей страны. Ну, на территории Сибири мы не сделаем, но... Как Эстония сделала бесплатный Wi-Fi. Вот вам коммунизм. Нетоварный подход,

Маркс был прав. Такой технический подход, на мой взгляд, вполне был бы возможен. Да, нехватка денег, нехватка финансовых ресурсов является важной проблемой, но она не является главной. Финансовые ресурсы становятся дефицитными в силу того, что существует нынешний механизм накопления, если механизм накопления будет другим, то как минимум будет по-другому поставлен вопрос о доступе к ресурсам. Это не значит, что он будет решен более позитивно, но как минимум исходные задачи и параметры будут изменены.

И значит, мы упираемся все-таки в главный вопрос, а именно в вопрос о господствующей структуре интересов в нашем отечестве и вообще на нашей планете. И без каких-то изменений, если не слова господствующей системы интересов, то хотя бы ее корректировки, я не вижу возможности найти финансы или какие либо ресурсы. А если это так, то мы остаемся либо в парадигме все-таки социальной борьбы, прошу прощения, не обязательно в таком жестком марксистском понимании, но тем не менее в парадигме борьбы социальных интересов. От исхода которой в значительной мере зависит будущая траектория. Или мы будем жаловаться, что у нас язык не тот, страна не та, народ не тот, культура неправильная, жаловаться, что у нас не защищена собственность, хотя я могу привести примеры того, как прерогативы частной собственности жесточайше нарушены в современном западном обществе.

Последнее, что я хотел сказать, это то, что конечно вопрос демократии остается уже как социально-экономический вопрос, потому что демократия – это не некоторый набор абстрактных прав, но возможность организованным

социальным интересам иметь доступ к принятию решений и соответственно к власти. В этом плане демократия очень интересна и нужна, и надо понимать, что такая демократия является одновременно и ограничением прав частной собственности.

Елена Ведута: Вот вы говорили о накоплении капитала, а есть еще такое понятие как капитализация. Вы видите различия? Накопление – это реальный сектор экономики?

Борис Кагарлицкий: Да, конечно. Это как прописано у Маркса, Розы Люксембург и позднее у Аригги, который ничего нового не писал, просто по-новому историю прописал.

Елена Ведута: Замечание по поводу заявления об ограниченности трудовых ресурсов. На самом деле исходным пунктом планирования экономики являются различные трудовые ресурсы в стране и законодательство по поводу режима труда и отдыха. Исходя из фонда рабочего времени и средней заработной платы определяется фонд заработной платы, который будет задействован в плановом периоде. Поэтому такие вопросы миграции, как ввоз работников из Китая или из Киргизии, перед нами не стояли. И надо еще подчеркнуть, что дело не в ограниченности трудовых ресурсов. Просто мы исходим из того, каким их количеством мы располагаем. Проблема заключается в эффективности управления, в частности во внедрении новой техники или тех же самых инноваций, которые позволяют повысить эффективность.

Борис Кагарлицкий: Я понял, что вы мне дали повод для ответа. Я использую его для обращения к Максиму, с которым у нас давно идет дискуссия. Когда Максим говорит об оплате труда как факторе

конкуренции, это бесспорно и лежит на поверхности, но есть ряд факторов, которые тоже сюда входят. Эффективность российской продукции на мировом рынке определяется не только в кавычках дороговизной рабочей силы. Дороговизна и дешевизна рабочей силы связана еще и с обменным курсом. Вот вынужден Китай сейчас девальвировать юань, и мы вспомним 98 год, август. Как у нас угольная промышленность была настолько неэффективной, что она проигрывала конкуренцию Новой Зеландии, это было на 15 августа. А на 30 августа она уже выигрывала у новозеландского угля. То есть там конкретные шахты были уже на грани затопления, было принято решение их затоплять, но произошла девальвация рубля и эти шахты стали бешено прибыльными. Та же технология, те же люди, та же зарплата.

Реплика из зала: Решение о девальвации было абсолютно политическим.

Борис Кагарлицкий: Я говорю о том, что вот при девальвации вы сменили несколько правила игры и вот результат. Но есть еще другие факторы. Есть проблема энергоемкости, никакие светодиодные лампочки ее не решают. Качество управления, простите меня. Безумное количество людей с ложками, которые сидят на каждом человеке с сошкой. Даже на Украине такого нет. Качество инфраструктуры. Также немаловажное обстоятельство. И последнее – производительность труда. И вот мы берем табличку по производительности и смотрим, где у нас США и где у нас Индия.

Реплика из зала: Россия – тридцать процентов от США. Но в целом это сравнение несравнимых вещей.

Борис Кагарлицкий: Если мы возьмем поотраслевую картину, то

она не будет такой драматической. Но даже и с этой корректировкой я считаю, что проблема имеет место быть. Если мы проведем корректировки, то американцы съедут слегка вниз, Индия поднимется наверх, но я вас уверяю, место России в этой картинке радикально не изменится, и это место достаточно плачевно. И никто не докажет мне, что у нас нет никакой возможности использовать местные ресурсы, даже такой простой ресурс, как головы людей, для того, чтобы повысить производительность труда, повысить энергоэффективность и просто эффективность управления на конкретном предприятии. Вопрос в том, что для этого нужно создавать соответствующие условия. А вот экономика, которую мы сейчас имеем, ресурсная экономика, таких условий не создает. Эта экономика ориентирована на ренту, она не нуждается в подобного рода стимулах.

Вопрос из зала: Когда закончится финансовый кризис?

Борис Кагарлицкий: Мы можем считать, что кризис в острой форме рецессии. Закончится не позднее двенадцатого года. Только я считаю, что после окончания рецессии будет депрессия. Депрессия с некоторым подъемом.

Был такой замечательный период поздневикторианской депрессии с 1870-х годов до 1890-х, опять же, какой был выход найден в использовании викторианской депрессии? Рецессий удавалось избежать тяжелых, но там были рецессии, но по выходу из рецессии подъемы были очень маленькими. 1–2 процента, на таком уровне экономика держалась. За счет чего был найден выход?

Колониальные захваты, которые привели к созданию но-

вых рынков, соответственно, новых рабочих мест, вовлечение новых масс людей в капитализм. Соответственно, Россия в среднюю Азию вошла, Англия и Франция вошли в Африку, а в конце концов все бросились на Китай, все вместе. А когда все закончилось, то тогда бросились друг на друга. Но, правда, был период очень короткого подъема в девяностые годы, потом новый спад, а после этого нового спада война была неизбежной. И если бы мы не проходили в учебниках истории четырнадцатый год как год начала Первой мировой войны, то, скорее всего, проходили бы как первый год начала новой депрессии.

Павел Лукша: Мне очень понравилась та тема, что мы переходим в экономику дорогого труда, причем массового, включая те страны, в которые раньше можно было спустить, надеясь на то, что там труд дешевый, они голодные. Но решение – то, в принципе есть, причем оно даже не капиталоемкое, это системы типа производственной системы Тойота и другие. То есть принципиальные изменения философии организации труда, которая просто за счет огромного количества неэффективности в организации труда без дополнительных изменений в процессе и так далее позволяет найти ресурс на предприятиях. Одновременно с этим принятие такого вот подхода на самом деле исподволь сейчас потихоньку начинает всю систему менять. В том числе это другое отношение к потреблению. Люди начинают себя более осознанно вести и в домашнем хозяйстве. В том смысле, что происходит как бы установление баланса, как бы потребление излишеств, которые потом не используются, на них начинают по-другому глядеть, это не нужно. Я не знаю, насколько

Вы знакомы с тотальным управлением качеством.

Елена Ведуга: Ее последнее время очень критикуют...

Павел Лукша: Тойота продакшн систем – это то, что было придумано в шестидесятые годы. То, почему критикуют сейчас Тойоту, это уже другое дело. В шестидесятые–семидесятые годы распространение этой системы породило парадоксальную ситуацию, когда японские машины одновременно существенно улучшали свое качество и одновременно снижали цену. И американцы, которые не ожидали этой ситуации, начали думать, что там идут субсидии. Иначе невозможно было объяснить, почему более качественная машина продается дешевле. Конечно же, должно поддерживать правительство. На самом деле было изменение принципов, по которым организуется труд. Я думаю, что это огромный ресурс, потому что я оказался под большим впечатлением, когда побывал на одном из первых российских предприятий, внедривших эту систему полностью. На самом деле ресурс колоссальный. Думаю, что в два три раза производительность поднять можно.

Борис Кагарлицкий: Говоря о труде, я хочу заметить, что в Китае происходит громадный демократический перелом. Начиная с того, что с двадцатого года Китай переходит в отрицательный рост демографии. Это еще не все. Если только бы отрицательный рост. Главное – меняется структура семьи.

Никто же не мешает вам завести пятьдесят детей, однако это почему-то не получается. В Китае теперь можно принять любые законы, но система семейного воспроизводства уже теперь другая, и очень важный момент, что Китай выходит в отрицательный рост,

это уже железно прогнозируемо, но более важно то, что происходит очень быстрое старение населения при распаде традиционной семьи. Традиционная семья позволяла Китаю обходиться без пенсионной системы, то есть много детей, дети поддерживают родителей, родители поддерживают дедушек и бабушек. И эта система пирамидальная традиционной семьи разрушена, на ее место пришла европейская нуклеарная семья, да еще вдобавок только с одним ребенком. В результате чего в Китае в условиях старения населения неизбежным становится введение пенсионной системы какого-нибудь типа, сейчас у них нет никакой. А это означает, что либо Китай переходит в фазу социальных неурядиц, потому что все это не стыкуется, либо Китай должен будет существенно повысить стоимость рабочей силы.

Максим Козырев: Вопрос по сетевым движениям: как предполагаете, может быть это начальная стадия организации – сетевая? Один вариант. То есть все равно все переходит к иерархии по мере развития организации. Второй вариант, что сеть можно рассматривать как дополнение индивидуального труда, индивидуальной деятельности, а не той, которая может делаться организацией. То есть задача сети восполнять связи между самодостаточными индивидуумами. Поэтому в этом плане она сохраняет ожидания, с ней связанные.

Борис Кагарлицкий: А почему одно альтернативно другому? Я готов принять оба тезиса. По первичности очень интересно – первые христианские общины были сетевыми, а потом переходили к иерар-

хическому принципу. Когда? Когда христианство завоевывает власть. Поэтому я когда-то это все называл первичным грехом организации. Если не впадать в первичный грех, воспроизводства не будет. Другое дело, что одно не исключает другого.

Вопрос из зала: Вы упомянули слово «коммунизм», Маркса. Как вы считаете, каковы перспективы коммунизма, в каком виде он может быть, и утопия это или не утопия?

Борис Кагарлицкий: Коммунизм, который был нарисован Программой КПСС, был похож на огромный супермаркет. Недаром наши, приезжая на Запад, кричали – вот коммунизм! Заходили в супермаркет – и вот коммунизм.

Но такой коммунизм мне неинтересен. Если говорить о коммунизме у Маркса, то, о чем Маркс писал, то он писал об обществе без классовых различий. Мне кажется, потенциально в истории такое возможно будет когда-нибудь. Он писал о безгосударственном обществе, о преодолении и отмирании государства. Опять же до известной степени эта перспектива возможна. Я не очень оптимистичен, но я вижу, что здесь есть перспектива.

Наконец, третий момент, о котором говорил Маркс – нетоварная экономика. Это самый сложный момент для дискуссии, очень сложно определить, как будет происходить переход от товарной к нетоварной экономике, разве что в виде натурального обмена, который, кстати, тоже товарный. Но какие-то элементы нетоварности вполне могут быть. Интернет дает нам такие примеры нетоварной экономики.